

УДК 393 (470.22)

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КАРЕЛОВ-ЛЮДИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Р. Ф. ТАРОЕВОЙ)

С. А. Минвалеев

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Статья посвящена анализу похоронно-поминальной обрядности кондопожских карелов-людиков, которая выявляется на основе материалов первой этнографической экспедиции, совершенной к лудикам в 1956 г. под руководством Р. Ф. Тароевой. Рассматриваются основные циклы погребального ритуала, такие как подготовка покойника к захоронению, похороны и поминальная обрядность. Делается вывод о том, что в похоронно-поминальной обрядности, бытовавшей у кондопожских лудиков до 1950-х годов, присутствовали компоненты различного происхождения: народные и христианизированные, а также появившиеся под влиянием городской среды.

Ключевые слова: карелы; лудики; традиционная культура; похоронно-поминальная обрядность; экспедиции.

S. A. Minvaleev. THE FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF THE LUDICS (BASED ON THE R. F. TAROEVA'S FIRST ETHNOLOGICAL EXPEDITION)

The paper deals with the analysis of the funeral and memorial rites of the Ludic Karelians of the Kondopoga District. The information on the rites is based on the materials of the first ethnological expedition of R. F. Taroeva which took place in 1956. Such fundamental cycles of the funeral rites as preparing a body for burial, funeral and memorial rites, are described. It is concluded that until the 1950's the funeral and memorial rites of the Ludics had components of different origins: folk and Christian components as well as the ones originated under the influence of the urban environment.

Keywords: Karelians; Ludics; traditional culture; funeral and memorial rites; expeditions.

Лудики – одна из субэтнических групп карельского народа. Их численность в настоящее время оценивается в 4–5 тысяч человек, но только около 300 из них являются носителями лудиковского наречия [Родионова, 2013. С. 94]. Лудиковское наречие карельского языка было выделено лингвистами на основе языковых особенностей, в которых более, чем

в ливвиковском наречии, заметен вепсский субстрат. Арвид Генетц, собиравший в 1871 г. языковой материал у лудиков, назвал последних «северным авангардом вепсов» [Прибалтийско-финские народы..., 1995. С. 39]. Сами лудики называют себя *lyydiläized* или *lyydiköt* и считают представителями карельского народа. Что же представляет собой их традиционная

культура в этнокультурном пространстве Карелии, насколько она едина, до сих пор остается загадкой. Если обратиться к работам этнографов, то можно обнаружить, что, как правило, они изучали традиционную культуру людиков в составе карельской народной культуры, не отделяя ее от южнокарельской. Сейчас ответить на вопрос о традиционной культуре этого субэтноса становится все сложнее, поскольку большая часть людиковских деревень обрусела или опустела. В этой ситуации большое значение имеют поиски различных источников по данной проблеме.

Среди них значимую роль занимают материалы экспедиционных исследований, которые проводились в районах традиционного проживания этой группы карелов. К поселениям людиков относятся Михайловское, Святозеро, Пряжа, Виданы, Спасская Губа, Святнаволок, Пялозеро, Юркостров, Тивдия, Ерши, Сележское, Сопоха, Койкары, а также к настоящему времени полностью обрусевшие деревни Половина, Логозеро, Нижние Виданы, Кончезеро. Как отмечает А. П. Баранцев, это деревни юго-восточной Карелии, которые узкой прерывистой цепью тянутся от реки Свирь и ее притока Важинки через нижние участки рек Шуи и Суны до озера Сандал [Баранцев, 1975. С. 3–4].

Обзор истории изучения людиковского фольклора был сделан научным сотрудником ИЯЛИ КарНЦ РАН Л. И. Ивановой, а людиковского диалекта – А. П. Родионовой [Иванова, 2013; Родионова, 2013]. Судя по составленным фольклористической и лингвистической историографиям, приоритет в изучении людиков принадлежит финляндским исследователям, таким как известный языковед Даниэль Европеус, собиравший материал в 1845 г.; фольклорист Аксель Аугуст Борениус-Ляхтеенкорва и языковед Арвид Генетц, побывавшие у людиков в 1871–1872 гг.

В 1905 г. у людиков проводил исследования Юхо Куйола. Результаты его трудов были обнародованы в 1944 г. в виде словаря людиковского языка. В 1950–1956 гг. профессор Хельсинкского университета Пертти Виртаранта записал рассказы о крестьянской жизни карелов-людиков от Степана Годарёва (1884 г. р.), уроженца д. Гальозеро (Кондопожский район РК). Позже, в 1963–1984 гг. профессор опубликовал их. Они составили невероятный объем – пять томов образцов людиковской речи [Virtaranta, 1963, 1964, 1976, 1984].

Первым российским исследователем был педагог, краевед и этнограф Николай Теофилактович Лесков, собиравший по поручению Императорского Географического общества

Рис. 1. Роза Федоровна Тарова

материал в южной Карелии летом 1892 г., в том числе и в людиковских деревнях Пряжа и Святозеро. Сам Лесков был уроженцем д. Святозеро.

Изучение людиков российскими учеными было продолжено уже в советское время. С образованием в 1930 г. Карельского научно-исследовательского института (преобразованного в 1937 г. в КНИИ культуры) начинается изучение диалектов карельского языка под руководством Дмитрия Владимировича Бубриха. Прерванное Великой Отечественной войной, оно возобновляется лишь в конце 1940-х годов. В 1946 г. исследователь вепсского языка Николай Иванович Богданов выезжал в диалектологическую экспедицию к людикам Михайловского с/совета, в результате которой были заполнены диалектологические вопросники, составлен русско-карельский словарь людиков Михайловского с/совета и образцы людиковской речи [Богданова, Винокурова, 2006. С. 46–47].

Как можно видеть, до середины XX века полевые исследования среди карелов-людиков проводились лишь языковедами и фольклористами, которые собирали этнографический материал, руководствуясь своими задачами.

совсем небольшое количество сведений об окказиональных обрядах и обрядах жизненного цикла было включено в монографию Р. Ф. Таровой, посвященную материальной культуре карелов [Тарова, 1965. С. 16–17]. Полевые дневники 1956 г., содержащие ценную информацию об обрядовой жизни карелов, остались, например, за пределами знаменитых монографий Ю. Ю. Сурхаско [1977, 1985]. Видимо, архивные материалы указанных экспедиций оказались в свободном доступе для исследователей уже после выхода Розы Федоровны на пенсию в 1987 г. Введение в научный оборот материалов той экспедиции актуально и потому, что специальных работ, касающихся обрядов и верований людиков, вообще не существует.

Данная статья посвящена анализу материалов по традиционной погребальной и поминальной обрядности кондопожских людиков, которые рассеяны по полевым дневникам студенток Н. И. Исаевой и Ф. А. Тихоновой. В обязанности этих участников экспедиции входил сбор сведений об обрядах жизненного цикла кондопожских карелов-людиков. Сфера похоронно-поминальной обрядности представляет интерес, так как ей свойственна особая устойчивость во времени, в отличие от свадебных и родильных обрядов. К тому же материал, касающийся похоронного цикла карелов-людиков, в экспедиционных дневниках представлен более широко по сравнению, например, с родильной обрядностью. Информацию о похоронных ритуалах можно найти в деле № 44, составленном Н. И. Исаевой в объеме 65 листов. Также материалы Ф. А. Тихоновой в деле № 43 (77 листов) могут дополнить деталями эту область обрядов жизненного цикла.

Экспедиционные материалы по похоронно-поминальной обрядности людиков содержат информацию о таких ритуальных процессах, как подготовка покойника к захоронению, непосредственно погребение и поминки. Данные описания похоронно-поминальных обрядов кондопожских карелов-людиков основаны на рассказах тех людей, чья молодость протекала в первые десятилетия XX в. Таким образом, они отразили срез карельской погребальной традиции людиков, функционирующей до 1950-х годов. В основном собранные данные по похоронно-поминальной обрядности мало отличаются от тех, что приведены в монографии Ю. Ю. Сурхаско «Семейные обряды и верования карел», одна из глав которой посвящена общей характеристике этого ритуала. Но есть некоторые обряды и их детали, которые в указанной работе нигде не упоминаются, их мы и рассмотрим подробнее. Кроме того,

в советский атеистический период в науке старались обходить стороной обряды христианского происхождения. Именно о них в материалах данной экспедиции можно найти очень интересную информацию.

Сведения о наступлении смерти и фактах, связанных с кончиной, не были зафиксированы в рассматриваемых материалах. Лишь А. И. Никитина из людиковской деревни Койкары вспоминает причины высокой смертности в карельских деревнях, видимо, еще в дореволюционные времена: «Больниц не было. Оспа косила многих» [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 43, л. 27].

После смерти покойника мыли на соломе, расстеленной на полу. Также могли мыть покойника на простыне, что, видимо, является более поздним обычаем, пришедшим в обрядовую жизнь народа под влиянием христианства [Слепинин, 2006. С. 9]. Аналогичный обычай проводить омовение тела на простыне мы находим у сямозерских карелов [Логинов, 2008. С. 293]. Покойника одевали в чистую одежду. Информация об одежде варьирует в разных деревнях. В деревне Наволок покойника хоронили в той же одежде, какую он носил при жизни. В Юркострове одевали умершего «во что есть». Также приводится информация, что в Святнаволоке покойника одевали в заранее приготовленную одежду. Исключение касалось молодых, для которых из-за неожиданности смерти в таком возрасте шили специальную одежду (д. Койкары). Одежда участников похорон не отличалась от повседневной, «одевают то же, что и носят: рубашки, туфли, ботинки» [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 43, л. 5]. В Койкарах участники похорон в большинстве случаев одевались во все черное.

В похоронно-поминальной обрядности различных народов существенное место занимают представления о дальнем и трудном пути покойника на тот свет. В круге данных представлений актуализирована обувь умершего, которая необходима для преодоления этого пути. У карелов также очень большое значение придавали обуви умершего [Сурхаско, 1985. С. 68]. Об этом свидетельствует упоминаемый в записях нетипичный случай хоронить детей без обуви, рассказанный жительницей деревни Наволок А. С. Макеевой. У нее в возрасте трех лет умерла дочь, а семья была бедна и не могла позволить себе отдать лишнюю пару пускай даже детской обуви в могилу. Мать похороненной дочери вспоминала, что очень сокрушалась из-за того, что приходится хоронить ее трехлетнюю дочь босиком. А когда она через две недели хоронила уже другую дочь, то на земле у могилки первой обнаружила детские следы, отчего она очень плакала, что так похоронила

дочь, босую. Этот случай, несомненно, указывает на веру народа в возможность выходов покойников или их душ из могилы, что в прошлом разделяли практически все карелы. Участница экспедиции Ф. А. Тихонова после записи этого случая так и пометила у себя в дневнике: «Следовательно, она (т. е. информант. – М. С.) и сейчас верит в загробную потустороннюю жизнь» [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 43, л. 6].

В обследованных деревнях покойника согласно православной традиции хоронили на третий день. Например, информант А. И. Никитина сообщила, что тело в доме держали всего два дня, таким образом получается, что на третий день назначались похороны. Тем не менее в дату погребения могли вноситься изменения. Так, А. И. Овчинникова из Кургановой Сельги говорила о том, что только «на 4-й день делают гроб» [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 16].

Покойника помещали на лавку под иконы в передний угол, предварительно постелив под ним солому. Тело умершего могли также положить на стол, что свидетельствует об изменении строгой традиции [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 15]. Накрывали покойника домашним полотном. Судя по полевым материалам, в 1950-е годы в людиковских деревнях еще широко сохранялась традиция причитывания. Причитывать приглашали кого-нибудь из родственников умершего, а не профессиональных плакальщиц, как было в более позднее время.

Важное значение в похоронной обрядности христианских народов занимают ночные бдения у покойника, сопровождаемые ночными молитвами [Слепинин, 2006. С. 16]. В 1950-е годы в людиковских деревнях, несмотря на проводимую в советской стране атеистическую политику, ночные бдения у покойника сохранялись. Сначала сидели родственники, которых могли сменить другие участники похорон, например знакомые умершего. В Наволоке приводится информация, что у покойника сидели старушки. Ночные сидения сопровождалось пением молитв. Е. С. Наумова из Юркострова приводит интересные подробности, связанные со временем ночных бдений: всех гостей в полночь угощали чаем, но в три часа ночи все расходились, и у гроба уже никто не сидел [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 41]. Скорее всего, в крестьянских представлениях три часа ночи означало конец этого времени суток, конец ночных сидений. Каждое утро также пили чай и ставили чашку с чаем у покойника вместе с закуской или стряпней, угощая таким образом душу покойного.

В исследуемое время гроб не красили и не обшивали материей. Соблюдение обычая делать деревянный гроб по возможности

скромным, видимо, связано с соблюдением христианских традиций в этих местах [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 11]. Сведения о подстилочном материале для гроба различаются. Так, кондопожские карелы использовали в основном в качестве подстилки в гроб березовые листья, а также набивали ими подушки для покойника. Такое упоминание встречается и в монографии Ю. Ю. Сурхаско [1985. С. 69]. В то же время в деревнях Юркостров и Святнаволок экспедицией зафиксированы сведения об изменении этой традиции: набивкой для подушки покойного стала служить вата вместо березовых листьев. Такой переход на использование ваты в качестве подстилки в гроб вместо доступных березовых листьев говорит о внедрении городских новаций в культурно-обрядовую жизнь сельского населения. Листья в гробу накрывали сверху холстом (*пáлтена*), а покойника богатые родственники накрывали кисеей, бедные – тем же холстом.

В день похорон покойника перемещали в гроб и по четырем сторонам гроба крестообразно зажигали свечи. Эти действия совершали согласно правилам православного обряда, требующим возле гроба зажигать свечи, которые желательно расставить с четырех сторон крестообразно (или только у головы). Считается, что огонь свечи символизирует надежду на переход усопшего в загробный мир [Слепинин, 2006. С. 12.]. С покойником прощалась сначала родня, а затем все остальные. Родственники-мужчины, прежде чем вынести гроб с телом из избы, опускали его в передней комнате на порог, а затем в коридоре. У карелов было принято, что во время таких «остановок» причитальщица обычно с помощью плачей прощалась за покойного с «хожеными местами» [Сурхаско, 1985. С. 84]. Но рассматриваемые экспедиционные материалы не предоставляют сведений об участии причитальщиц во время выноса гроба.

По данным информантки А. С. Макеевой, после выноса покойника в доме пол редко моют («пол не моют, а только подметают»; «пол после покойника редко моют») [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 5; д. 43, л. 5]. Такое поведение является отходом от ритуала традиционного очищения помещения, когда мытье избы после выноса покойника символизировало изгнание «калмы» – смертельной, неизлечимой болезни, которая могла передаваться от покойника [Сурхаско, 1985. С. 82]. Не все сопровождали покойного на кладбище, обязательно кто-то оставался дома, чтобы готовить поминальный обед.

Обычно летом гроб несли на плечах, а зимой доставляли до места захоронения на санях. В Кургановой Сельге записано поверье, что

если среди провожающих нет той родни, которую хотел бы видеть покойный, то тело якобы тяжелеет [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 17]. В полевых материалах был записан и более древний вариант транспортировки гроба – на санях. В монографии Ю. Ю. Сурхаско есть описание этого архаичного обычая доставки гроба до кладбища даже в летнее время [Сурхаско, 1985. С. 82]. Аналогичная традиция соблюдалась многими народами России (русскими, коми, вепсами). В основе ее лежали представления, что мир мертвых, куда отправляется умерший, это мир зимы и холода. В деле № 43 говорится, что гроб на санях везли уже редко; видимо, такая древняя традиция у людиков отходила в прошлое. Упоминание об обычае переноски гроба на шестах можно найти в материалах другой экспедиции – 1957 года, когда этнографическая группа, также под руководством Р. Ф. Тароевой, исследовала деревни Пряжинского и Олонецкого районов [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 48, л. 32]. Такой обычай был широко распространен у собственно карелов и ливвиков в деревнях, расположенных недалеко от кладбища [Сурхаско, 1985. С. 84].

По христианскому обычаю по дороге на кладбище покойника доставляли в церковь на отпевание. В Святаволоке священник во время отпевания умершего в церкви клал пепел ладана на грудь покойника, и уже после этого покойнику в лицо никто не смотрел вплоть до закрытия крышки гроба [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 51]. Объяснение такого ритуала можно найти в православной литературе, посвященной обряду погребения: «По Уставу (Уставу Русской православной церкви. – С. М.) на тело также полагается возлить елей прямо из лампы и посыпать пепел из кадила в ознаменование того, что жизнь христианина, как огонь или фимиам, угасает для земли, но не для неба» [Слепинин, 2006. С. 25].

Вопреки утверждению Ю. Ю. Сурхаско, что обряд выкупа земли для покойника в виде бросания медных денег в могилу был распространен повсеместно, встречаются и такие поселения у людиков, где этот обычай не соблюдался. В деревне Юркостров была записана информация об особенностях исполнения здесь обрядов, связанных с погребальной землей. Священник совершал очистительный обряд: кадил свежерытую могилу. Затем приступали к погребению. Землю бросали не только в могилу, но и на грудь покойнику, приговаривая по-карельски: «*Муас пйя тулид и муахе мянед*» – «*От земли родился, земле и предайся*» [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 43]. По мнению К. К. Логинова, «обряд "выкупания земли" медными

монетами... – явный пережиток погребального жертвоприношения» [Логинов, 1993. С. 163]. Информация о заколачивании крышки гроба варьирует. В различных деревнях заколачивали гроб по-разному: где-то делали это перед опусканием гроба в могилу, а где-то уже после. Видимо, такая вариативность обуславливалась нестрогим соблюдением этой части похоронной обрядности. По сведениям Ю. Ю. Сурхаско, в прошлом крышку гроба не забивали железными гвоздями, а закрепляли с помощью деревянных шипов [Сурхаско, 1983. С. 93]. Экспедиционные материалы отразили изменение этой традиции: гроб стали заколачивать железными гвоздями.

О постепенном распространении инноваций свидетельствует также информация о предметах, с помощью которых гроб опускали в могилу. В прошлом у карелов повсеместно гроб в могилу опускали на полотенцах. По мнению ученых, такая деталь обряда была связана с древним представлением о полотенце как «дороге» в иной мир [Косменко, 1983. С. 52–54]. В экспедиционных материалах Р. Ф. Тароевой можно обнаружить постепенное угасание древней традиции: в 1950-е годы иногда нижний конец гроба опускали уже не на полотенце, а на веревке, а головной – по-прежнему, на полотенце. Погребальные полотенца дарили старушкам, участвовавшим в обмывании покойника. Ситец, которым был покрыт гроб еще при выносе, отдавали беднякам [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 51].

В экспедиционных материалах встречаются указания о месте расположения кладбища у сохранившейся часовни в д. Наволок. Судя по сделанному рисунку и записям, основными надгробными памятниками в этой деревне были восьмиконечные кресты, иногда с крышей (рис. 3).

Повсеместно в полевых материалах упоминается о том, как народ по пути от кладбища к дому покойного останавливался посередине пути и садился на пни (у некоторых информантов – на камни или снег). Часто этот обряд сопровождался обращением к покойному: «*До этого места дойди и больше не ходи*». Участники похорон тем самым просили покойника не навещать их дома, доходить только до половины пути от кладбища. Тот же ритуал мы находим и у сегозерских карелов [Конкка, 1980. С. 29]. В основе этого обряда лежали поверья о постоянных приходах покойника домой после его смерти и беспокойстве такими приходами живых, основанные на страхе перед мертвыми.

Сразу после кладбища родственники поминали покойного (*пóминойта*) в его доме

Рис. 3. Страница из полевых материалов с эскизом часовни и надгробных крестов в д. Наволок

поминальным обедом. Иногда поминали прямо на кладбище у свежей могилы, для этого участники похорон брали с собой рыбу, рыбники и ягодный кисель (*кисель*). Кисель всегда оставался традиционным блюдом похоронно-поминальной обрядности, особенно овсяный, как самый древний вид киселя, или на картофельном крахмале, появившемся в более позднее время. Также поминки устраивались на сороковой день после похорон. В экспедиционных записях можно найти достаточно информации о составе поминального стола: это обязательно кисель, рыбники, носившие название *курники*, калитки, белые пироги, пироги с толокном и крупой, суп, обычно рыбный; из напитков – чай, наливка. Кто был побогаче, угощал водкой. Помимо общепринятого запрета на употребление в пищу во время поминок мясных блюд у койкарских и юростровских людиков существовал также запрет на употребления в пищу картофеля. Это неудивительно, ведь у многих российских народов картофель появился поздно и долгое время считался «нечистым, дьявольским» растением [Усачева, 2009. Т. 3. С. 473].

В Святнаволоке также был распространен такой вид поминок, как «полусорочкины», отмечаемый на двадцатый день после похорон [НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 44, л. 52]. Блюда «полусорочин» не отличались от приготавливаемых в остальные поминальные дни: рыба, пироги, последним блюдом всегда подавали кисель.

Итак, на основании рассмотренных в статье материалов можно прийти к выводу, что

-20- Часовня разделена на знаменитые
 части. Часовня одностолбчатая
 с башенкой наверху. Башенка
 с решётками. Окна с решётками
 (одно над другим) расположены
 в башенке. Часовня (наподобие башенки)
 Окна расположены в два яруса: 2-с
 стороны и 4-с другой. Часовня
 деревянная. Башенка 8-угольная
 Поклонников и намогильных
 крестов никаких нет.
 могилах только кресты
 1/111.
 Дер. Койкара, Юростров
 Тавришев А.И. - 50 лет
 Деревня раньше состояла из
 3-х рядов. Дома окнами вы
 шли к реке. Деревня распо
 лжена на берегу реки Суна
 Во время грандданской в

в похоронно-поминальной обрядности, бытовавшей у кондопожских людиков до 1950-х годов, присутствовали компоненты различного происхождения: народные и христианизированные, а также появившиеся под влиянием городской среды (использование ваты для подготовки гробовой постели, гвоздей при заколачивании гроба, веревок при опускании гроба в могилу). Несмотря на то что в данный период практически у всех этнографических групп карелов ритуал похоронного цикла имел единую традиционную основу, у людиков этот обряд обнаружил некоторые особенности. Они проявились в обряде выкупа земли, в отсутствии влажной уборки дома после выноса покойника и т. д. Выявленные особенности пока предварительные, их следует проверить с помощью привлечения других источников.

На данный момент представляется перспективным собрать сведения о бытовании похоронно-поминальной обрядности в настоящее время в сохранившихся деревнях, которые были обследованы экспедицией 1956 г., и сравнить их с прежними материалами. Такое сравнение позволит выявить инновации.

Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие: новые смыслы», проект «Вепсы и карелы в Евразийском полиэтничном пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей».

Литература

Баранцев А. П. Фонологические средства лудиковской речи (дескриптивное описание). Л.: Наука, 1975. 280 с.

Богданова Г. Н., Винокурова И. Ю. Николай Иванович Богданов: человек и ученый (к 100-летию со дня рождения Н. И. Богданова) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 35–74.

Винокурова И. Ю., Логинов К. К. Р. Ф. Никольская и становление этнографической науки в Карелии // Труды КарНЦ РАН. 2010. № 4. С. 132–140.

Иванова Л. И. Фольклор карелов-лудиков: история собирания и современное состояние // Живая старина. 2013. № 3. С. 30–33.

Логинов К. К. Похоронно-поминальная обрядность // История и культура Сямозерья / Под ред. В. П. Орфинского, И. Е. Гришиной, А. П. Конкка, И. И. Муллонен, В. Д. Рягоева. Петрозаводск: Петргу, 2008. С. 291–300.

Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 228 с.

Конкка У. С. Семейные праздники // Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. П. Конкка. Л.: Наука, 1980. С. 7–88.

Косменко А. П. Функция и символика вепского полотенца (по фольклорно-этнографическим данным) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Кар. фил. АН СССР, 1983. С. 38–55.

Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов / Сост. М. Йокипии; Ред. рус. издания П. Мутанен. Ювяскюля: Атена, 1995. 504 с.

Родионова А. П. Elgendät libo toimitat?: о личном опыте исследования карелов-лудиков // Материалы

XLII Международной филологической конференции 11–16 марта 2013 года. Уралистика / Под ред. доц. Н. Н. Колпаковой. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 93–97.

Слепинин К. Православный обряд погребения. Акафист за единоумершего. СПб.: Сатись; Держава, 2006. 64 с.

Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. Л.: Наука, 1977. 239 с.

Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Л.: Наука, 1985. 174 с.

Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). М.; Л.: Наука, 1965. 223 с.

Усачева В. В. Картофель // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / Под ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Международные отношения, 2009. Т. 3. С. 473–475

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä I–V. Kerännyt, kääntänyt ja julkaissut Pertti Virtaranta / Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia. Helsinki: Suomalaisugrilainen Seura, 1963, 1964, 1976, 1984.

Архивные источники

Исаева Н. И. Материалы этнографической экспедиции в Петровский р-н Карельской АССР, 1956 г. // Научный архив КарНЦ РАН – НАКНЦ, фонд 1, опись 29, дело 44, 65 л.

Титова Л. Н. Материалы этнографической экспедиции в Олонецкий и Пряжинский р-ны КАССР, 1957 г. // НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 48, 66 л.

Тихонова Ф. А. Материалы этнографической экспедиции в Петровский р-н Карельской АССР, 1956 г // НАКНЦ, ф. 1, оп. 29, д. 43, 77 л.

Поступила в редакцию 08.04.2015

References

Barancev A. P. Fonologicheskie sredstva ljudikovskoj rechi (deskriptivnoe opisanie) [Phonological means of the Ludic speech (description)]. Leningrad: Nauka, 1975. 280 p.

Bogdanova G. N., Vinokurova I. Ju. Nikolaj Ivanovich Bogdanov: chelovek i uchjonyj (k 100-letiju so dnja rozhdenija N. I. Bogdanova) [Nikolay Ivanovich Bogdanov: a person and a scientist (to the 100th anniversary of N. I. Bogdanov's birth)]. Sovremennaja nauka o vepсах: dostizhenija i perspektivy (pamjati N. I. Bogdanova) [Modern science about the Veps: achievements and perspectives (in memory of N. I. Bogdanov)]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 2006. С. 35–74.

Ivanova L. I. Fol'klor karelov-ljudikov: istorija sobiranija i sovremennoe sostojanie [Folklore of the Ludic Karelians: history of collecting and modern state]. Zhivaja starina [Living antiquity]. 2013. No 3. P. 30–33.

Loginov K. K. Pohoronno-pominal'naja obrjadnost' [Funeral and memorial rites]. Istorija i kul'tura Sjamozer'ja [History and culture of Syamozero]. Eds. V. P. Orfinskogo, I. E. Grishinoj, A. P. Konkka, I. I. Mullonen, V. D. Rjagoeva. Petrozavodsk: PetrGU, 2008. P. 291–300.

Loginov K. K. Semejnye obrjady i verovanija russkih Zaonezh'ja [Family rituals and beliefs of the Russians from Zaoneshje]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 1993. 228 p.

Konkka U. S. Semejnye prazdniki [Family holidays]. Duhovnaja kul'tura segozerskih karel konca XIX – nachala XX v. Eds. U. S. Konkka, A. P. Konkka. Leningrad: Nauka, 1980. P. 7–88.

Kosmenko A. P. Funkcija i simbolika vepsskogo polotenca (po fol'klorno-jetnograficheskim dannym) [The function and symbolism of the Veps towels (based on folklore and ethnographic data)]. Fol'kloristika Karelii. Petrozavodsk: Kar. fil. AN SSSR, 1983. P. 38–55.

Pribaltijsko-finskie narody: Istorija i sud'by rodstvennyh narodov [Baltic and Finnish nations. History and destiny of kindred nations]. Ed. M. Jokipii; Ed. rus. iss. P. Mutanen. Juvjaskjulja: Atena, 1995. 504 p.

Rodionova A. P. Elgendät libo toimitat?: o lichnom opyte issledovanija karelov-ljudikov [Elgendät libo toimitat?: on personal research experience of the Ludic Karelians]. Materialy XLII Mezhdunarodnoj filologicheskaj konferencii 11–16 marta 2013 goda. Uralistika [Proc. of

the 43rd int. philological conference, March 11–16, 2013. Uralic studies]. Ed. N. N. Kolpakovoj. St. Petersburg: SPbGU, 2013. P. 93–97.

Slepinin K. Pravoslavnyj obrjad pogrebenija. Akafist za edinoumershego [Orthodox burial rites. Canticles to the dead]. St. Petersburg: Satis; Derzhava, 2006. 64 p.

Surhasko Ju. Ju. Karel'skaja svadebnaja obrjadnost' [Karelian wedding rituals]. Leningrad: Nauka, 1977. 239 p.

Surhasko Ju. Ju. Semejnye obrjady i verovanija karel [Family rituals and beliefs of the Karelians]. Leningrad: Nauka, 1985. 174 p.

Taroeva R. F. Material'naja kul'tura karel (Karel'skaja ASSR) [The material culture of the Karelians (the Karelian ASSR)]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 223 p.

Usacheva V. V. Kartofel' [Potatoes]. Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheski slovar' v 5 tomah [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 vols.]. Ed. N. I. Tolstoj; Institut slavjanovedenija RAN. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2009. Vol. 3. P. 473–475.

Vinokurova I. Ju., Loginov K. K. R. F. Nikol'skaja i stanovlenie jetnograficheskoj nauki v Karelii [R. F. Nikol'skaja as a founder of ethnographic science in Karelia]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN* [Trans. KarRC RAS]. 2010. No 4. P. 132–140.

Arkhivnye istochniki [Archival materials]

Isaeva N. I. Materialy etnograficheskoj ekspeditsii v Petrovskii r-n Karel'skoi ASSR, 1956 g. [Materials of ethnographic expedition to the Petrovsky district of the Karelian ASSR]. *Nauchnyi arkhiv KarNTs RAN – NAKNTs* [KarRC RAS. *Scientific archives – NAKNTs*], fonds 1, inventory 29, file 44, 65 l.

Titova L. N. Materialy etnograficheskoj ekspeditsii v Olonetskii i Pryazhinskii r-ny KASSR, 1957 g. [Materials of ethnographic expedition to the Olonets and Pryazha districts of the Karelian ASSR]. *NAKNTs*, fon. 1, in. 29, f. 48, 66 l.

Tikhonova F. A. Materialy etnograficheskoj ekspeditsii v Petrovskii r-n Karel'skoi ASSR, 1956 g. [Materials of ethnographic expedition to the Petrovsky district of the Karelian ASSR]. *NAKNTs*, fon. 1, in. 29, f. 43, 77 l.

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä I–V. Kerännyt, kääntänyt ja julkaissut Pertti Virtaranta. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia*. Helsinki: Suomalaisugrilainen Seura, 1963, 1964, 1976, 1984.

Received April 08, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Минвалеев Сергей Андреевич

аспирант
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, д. 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: minvaleevs@gmail.com
тел.: +79814001906

CONTRIBUTOR:

Minvaleev, Sergey

Institute of Language, Literature and History, Karelian
Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: minvaleevs@gmail.com
tel.: +79814001906